

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра и революционные потрясения 1917 года

М. В. Шкаровский

Одним из наиболее сложных и малоизвестных периодов истории обители являются 1917–1918 годы. К моменту Февральской революции лавра находилась на вершине своего двухвекового развития. Сотни людей ежедневно приходили в Свято-Троицкий собор преклонить колени перед мощами святого благоверного князя Александра Невского, образом Владимирской Божией Матери, принадлежавшим, по преданию, самому князю, иконой Нерукотворного Спаса с частицей ризы Господней и другими лаврскими святынями. В обители находилось 15 церквей и часовня, кроме того, три храма были в Киновии и один – в Серафимо-Антониевском скиту. Численность братии составляла в феврале 1917 года 113 человек, в том числе 63 монашествующих и 50 послушников. Лаврский капитал в это время достигал 1800 тысяч рублей, а доходы в 1915 году равнялись 699,3 тысячи, уступая в стране из монастырей только Киево-Печерской лавре; в 1916 году доход только от арендных статей составил 369 тысяч рублей, а от кладбищ – 181 тысяч. Обители принадлежали сдаваемые в аренду 14 жилых домов на близлежащих проспектах и улицах, а также 41 амбар, 60 кладовых и четыре подвала на набережной Невы. Кроме того, лаврской собственностью являлись 103 земельных участка в городе, 51 десятина земли и водяная мельница в имении Серафимово Лужского уезда Петербургской губернии¹.

В лаврских зданиях размещалась двухклассная Александро-Невская церковно-приходская школа на 100 мальчиков-певчих Митрополичьего хора, богадельня на 30 женщин, братская больница и лазарет Красного Креста № 279 для раненых и больных воинов. Он был создан на базе Рижского военного госпиталя, для которого 30 сентября

1915 года мобилизационный отдел городской управы отвел здания Антониевского духовного училища, больницы Духовной академии, 4-й этаж Духовной семинарии и некоторые другие помещения. Существовал еще один этапный лазарет имени Александро-Невской лавры на театре военных действий (с 1916 года во Франции, где он обслуживал русские войска), на содержание которого обитель внесла в октябре–декабре 1916 года 13 тысяч рублей².

Бурные революционные события конца февраля прямо почти не затронули лавру, однако их последствия вскоре отразились на различных сторонах ее жизни. 4 марта на Никольском кладбище был похоронен убитый в дни революции иподиакон С. В. Васильев, а 28 марта статистическое управление городской управы обратилось в лаврскую кладбищенскую контору с просьбой оказать содействие в восстановлении уничтоженных в ходе разгрома полицейских участков документов (свидетельств о смерти горожан)³.

Впрочем, 28 февраля и в саму лавру, в келью казначея архиман-

дрита Геннадия пришел вооруженный отряд солдат под командованием бывшего лаврского послушника прапорщика В. Саута и изъял хранившуюся в кассе месячную выручку в размере 26 тысяч рублей (якобы по приказу реквизиционной комиссии Государственной думы). 10 марта в лавре узнали, что в казначействе Думы хранятся 22 тысячи рублей монастырских денег, и Духовный собор отправил в Думу письмо: «...если означенные деньги отобраны действительно по приказу законной власти или даже отобраны незаконно, но в данное время могут быть полезными Временному правительству для патриотических целей, то лавра с любовью и радостью изъявляет полную готовность оставить эти деньги в распоряжении Временного правительства, если же эти деньги не нужны, то просит возвратить их». Ответ Временного комитета Думы гласил, что он никаких распоряжений о реквизиции не давал, и 22 тысячи могут быть немедленно возвращены, если Духовный собор этого хочет. Видимо, солдаты конфисковали деньги самовольно, но затем, испугавшись нака-

зания, сдали большую часть суммы в казначейство Думы, присвоив себе 4 тысячи рублей⁴.

Вскоре назначенный новым «революционным» обер-прокурором Святейшего Синода В. Н. Львов потребовал от лавры 5 тысяч рублей золотой монетой. Духовный собор посчитал необходимым не вступать в конфликт с новой властью и 24 марта написал Львову, что с одобрения временно управляющего епархией епископа Вениамина он передает в распоряжение обер-прокурора требуемые 5 тысяч золотом, а также предоставляет ему хранящиеся в думском казначействе 22 тысячи с тем, чтобы одна половина этой суммы была пожертвована от имени лавры на военнопленных, а другая – семьям павших и пострадавших «при защите нового государственного строя и вообще жертв старого режима». На этом спор об использовании реквизированных денег не закончился. 28 июня управляющий канцелярией Синода в соответствии с просьбой министра юстиции запросил Духовный собор о разрешении передать 22 тысячи исполкому Петроградского совета, но 18 июля получил в ответ категорический отказ Духовного собора: «Деньги должны поступить в пользу павших и пострадавших при защите нового государственного строя в феврале–марте и в июле 1917 г.»⁵ (то есть во время Февральской революции и подавления июльского выступления большевиков). Следует отметить, что именно в июле во дворе лавры у паперти Свято-Троицкого собора были торжественно захоронены пять казаков, погибших в столкновении с противоправительственными силами (когда эти силы одержали верх, казачьи могилы были уничтожены).

Под влиянием демократических процессов, охвативших Русскую православную церковь, уже в апреле 1917 года произошло изменение состава Духовного собора. Кроме бывших в нем раньше восьми лиц: являвшегося председателем наместника лавры архимандрита Филарета, казначея архимандрита Геннадия, ризничего архимандрита Авраамия, библиотекаря архимандрита Макария, эконома иеромонаха Афанасия, благочинного лавры иеромонаха Стефана, правителя дел Собора иеромонаха Всеволода и архимандрита Гедеона, в состав

членов вошли еще шесть избранных тайным голосованием с правом решающего голоса представителей от братии – три от иеромонахов и три от иеродиаконов. В будущем предполагалось все монастырское начальство и членов собора избирать на братских собраниях с последующим утверждением епархиальным архиереем⁶.

На состоявшихся в середине апреля двух собраниях насельников лавры обсуждались и другие важные вопросы – общее положение обители, программа съезда образованных монахов, намеченного на май 1917 года в Москве, и т. д. Было решено ходатайствовать перед Святейшим Синодом об обращении лавры в ставропигию и о назначении нового наместника, который вскоре был избран Синодом из трех предложенных братским собранием кандидатов (епископ Прокопий). Финансовое положение лавры в период настоятельства митрополита Питирима серьезно ухудшилось, и поэтому собрание также попросило Синод о назначении ревизии обители⁷.

6 мая 1917 года последовал указ Святейшего Синода (по предложению обер-прокурора от 5 мая) о проведении ревизии лавры «по всем частям ее жизни и управления». Осуществление этой акции было возложено на викария Финляндской епархии епископа Сердобольского Серафима (Лукьянова) и управляющего синодальным контролем действительного статского советника М. А. Дьяконова с правом привлечения других лиц и устранения от должностей насельников лавры. Епископ Серафим и Дьяконов пригласили себе в помощь еще 12 человек, ставших членами ревизионной комиссии: протоиереев Л. А. Богоявленского и А. К. Бургова и 10 мирян, в том числе секретаря Петроградского религиозно-философского общества Е. П. Каблукова и представителя обер-прокурорской власти – старшего следователя по особо важным делам окружного суда П. А. Александрова. Указом от 6 мая архимандрит Филарет был устранен от должности наместника, как и весь состав Духовного собора от своих обязанностей членов собора на время ревизии. Исполнение должности наместника возлагалось на епископа Елисаветградского Прокопия (Ти-

това), который должен быть стать председателем временного присутствия Духовного собора, состоящего также из помощника председателя – бывшего старшего члена цензурного комитета архим. Неофита и четырех членов. Этих членов должны были избрать: одного – архимандриты, иеромонахи, не несущие череды священнослужения, члены цензурного комитета, вызванные на череду архимандриты и академическое монашество, второго – чередные иеромонахи, третьего – иеродиакон и четвертого – послушники⁸.

Согласно резолюции епископа Вениамина от 8 мая обязанности наместника до прибытия в Петроград из Херсона епископа Прокопия исполнял архимандрит Неофит. Будущий святой новомученик архиепископ Прокопий (в миру Петр Семенович Титов) выехал из Херсона 23 и прибыл в столицу 27 мая, в этот же день приступив к исполнению обязанностей наместника. В дальнейшем – 16–23 июля 1917 года он представлял лавру на Всероссийском съезде монашества в Троице-Сергиевой лавре и с августа 1917 года – на Поместном соборе Русской православной церкви в Москве.

Согласно указу Синода в середине мая состоялись выборы членов временного присутствия Духовного собора. От архимандритов и иеромонахов, не несущих череды священнослужения, был избран преподаватель Духовной семинарии кандидат богословия иеромонах Николай (Ярушевич), от чередных монахов – иеромонах Алексий (Терешихин), от иеродиаконов – иеродиакон Товия (Кислый) и от послушников – новый благочинный лавры иеромонах Стефан. В первые послереволюционные месяцы на братских собраниях избирали и насельников для замещения различных монастырских должностей. Так, например, 25 мая послушник Феофил Кузнецов был выбран помощником келаря, а иеромонах Серафим – раздатчиком братских доходов⁹.

Ревизионная комиссия начала свою деятельность 18 мая и продолжала ее до июля, а по некоторым делам до осени 1917 года. Одним из первых результатов ревизии стал указ Синода от 26 мая 1917 года об утверждении выработанного особой комиссией и представленного архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским) проекта «Положе-

ния об Александро-Невской лавре». Это Положение повышало статус обители, выводя ее из подчинения епархиальному архиерею и преследуя цель превратить ее в важнейший центр духовного просвещения: «1. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра имеет назначение служить святой Православной Церкви религиозно-просветительной деятельностью. Программа религиозно-просветительной деятельности лавры подлежит обсуждению на съезде ученых иноков. 2. Александро-Невская лавра подчинена непосредственно Святейшему Синоду. 3. Лавра имеет особого настоятеля в сане епископа или архимандрита. Должность настоятеля лавры не соединяется с должностью Петроградского епархиального или викарного епископа. Лавра поминает епархиального архиерея на богослужениях... Лавра отпускает на содержание петроградского епархиального архиерея денежное довольствие на существующих основаниях, но не больше 18 тысяч... в год, и предоставляет епархиальному архиерею и двум его викариям, сверх помещения, выезд, прислугу и стол. 4. Лавра управляется Духовным собором из шести лиц: настоятеля, его заместителя и четырех членов... 5. Порядок избрания и назначения настоятеля и членов Духовного собора определяется особыми правилами, утверждаемыми Святейшим Синодом. Должностные лица лавры – казначей, эконо, ризничий, благочинный, духовник не являются членами Духовного собора, но присутствуют в соборе с правом совещательного голоса при докладе дел, касающихся порученному каждому из них послушанию... 7. В состав братства лавры определяются лица преимущественно с высшим и средним образованием, коих должно быть в братстве во всяком случае никак не менее половины»¹⁰. Реально данное положение действовало очень короткий период времени – во второй половине 1917 – начале 1918 года.

В начале июня в связи с возникшей угрозой Петрограду из-за возможности немецкого наступления в Синоде был поднят вопрос о вывозе мощей св. Александра Невского из города, и епископ Серафим (Лукиянов) внес предложение о предварительном вскрытии раки и освидетельствовании мощей князя. Это предложение было принято, и

12 июня состоялся предварительный осмотр раки, а 28 июня в соответствии с секретным словесным определением Синода – вскрытие саркофага и осмотр самих мощей. По поручению Синода его проводили в обстановке строгой секретности архиепископ Вениамин (Казанский), епископы Серафим (Лукиянов) и Прокопий (Титов), пригласившие себе в помощь архимандрита Авраамия (Чурилина) и слесаря из мирян. Под крышкой раки они обнаружили открытый кипарисовый гроб с восковой головой и «чучелом» князя (изготовленным из ваты, зашитой в шелковые мешки), в котором были помещены подлинные мощи – часть черепа, кости рук и ног и два ребра. На бумаге, лежащей в мешочке с мелкими костями, указывалось, что мощи были собраны «после церковного горения», когда сгорели все имевшиеся в храме иконы¹¹.

Известно, что обретенные в 1380 году нетленные мощи князя дважды пострадали от пожара – в 1491 году во Владимире и в 1723 году во время перенесения по указу Петра I в Петербург, когда их оставили по пути зимовать в Шлиссельбурге в специальном павильоне, а тот в это время сгорел. Член лаврской ревизионной комиссии 1917 года С. П. Каблуков в своем дневнике записал, что, по его мнению, чучело мощей делали «с ведома и разрешения Петра I, знавшего и скрывавшего правду, хотя возможно, что повреждение мощей от пожара заставило других лиц прибегнуть к обману, и Петр I также был обманут ими». Узнав о результатах осмотра, Синод 27 июня постановил произвести «переоблачение мощей», то есть отделить подлинные мощи от инородных предметов, поручив это синодальным членам – владыкам Сергию и Платону. Само «переоблачение» было проведено 24 июля архиепископами Сергием (Страгородским), Вениамином (Казанским) и архимандритом Артемием (Ильинским) при участии архимандрита Авраамия и двух слесарей. Все посторонние предметы из раки удалили, а части мощей собрали вместе и положили в кипарисовый ящик, изготовленный на средства архимандрита Авраамия, который позднее растопил восковую голову князя. О проведении 24 июля осмотра мощей и помещении их в «новоустроенный»

ящик был составлен сохранившийся официальный акт¹².

Дневник С. П. Каблукова и архивные документы не оставляют сомнения в том, что после осмотра 1917 года в раке остались подлинные мощи, которые были изъяты из лавры в 1922 году по указанию советских властей и вновь возвращены в Свято-Троицкий собор в 1989 году из Музея истории религии и атеизма. Таким образом, лишены всяких оснований упоминавшиеся в литературе версии, что «в период революционных страстей 1905 года, опасаясь осквернения святыни, некие монахи куда-то скрыли мощи великого князя», или что летом 1917 года в «период кризиса власти» архиепископ Вениамин подменил или частично изъяс святыню¹³.

Одна из причин помещения мощей в новый ящик заключалась в обеспечении удобства их транспортировки при возможной эвакуации лавры в случае возникновения угрозы захвата столицы немцами. Так, вскоре после взятия германскими войсками Риги, Синод 23 августа издал указ о подготовке вывоза лаврской ризницы и размещения ее в Екатеринбургском Архиерейском доме, при этом невоеннообязанных монахов планировалось эвакуировать в Верхотурский и Далматовский монастыри екатеринбургской епархии. Позднее – в октябре 1917 года 56 принявшим постриг насельникам (семи архимандритам, 26 иеромонахам, 21 иеродиакону и двум монахам) даже выдали «бессрочные паспортные книги» ввиду «предстоящей эвакуации Петрограда». К счастью, намеченная эвакуация так и не состоялась.

На протяжении всего 1917 года финансово-хозяйственное положение лавры вследствие бедствий военного времени, растущей дороговизны, инфляции и т.п. неуклонно ухудшалось, что в условиях углубления ситуации анархии и безвластия в стране привело к невиданным ранее конфликтам лаврского руководства со служащими, певчими хора и т.д. 24 апреля состоялось общее собрание певчих Митрополитского хора, которые выбрали своим депутатом в Петроградский совет певчего В. И. Сильванова, избрали двух представителей в Духовный собор лавры, свой руководящий орган – исполнительный комитет,

а также выдвинули ряд экономических требований, прежде всего, повышение жалования. В хоре в тот момент числилось 28 взрослых певчих, 65 малолетних, регент и два его помощника. За годы войны состав хора сильно изменился, значительную часть певчих призвали в армию, появилось много временных и случайных людей. Знаменитому регенту Ивану Яковлевичу Тернову, руководившему хором свыше 24 лет (с 15 января 1893 года), исполнилось 56 лет, здоровье его серьезно ухудшилось, и этим воспользовалась для захвата власти группа певчих во главе со старшим помощником регента И. В. Семеновым.

Волна недовольства охватила и певчих братского хора. 26 апреля они провели свое собрание, на котором выбрали исполнительную комиссию из четырех человек, признали Сильванова общим депутатом двух хоров в Петросовет и также выдвинули ряд требований: установить три разряда жалования, улучшить стол в братской трапезе, снабжать послушников подраясниками, освещать занимаемые ими кельи электричеством весь год, а не до 1 мая, изменить порядок приема и увольнения. 2 мая Духовный собор, заслушав эти претензии, постановил указать послушникам «жить в лавре на тех условиях, на которых они поступали, а недовольным предложить оставить обитель». После утверждения этого решения епископом Вениамином собор 11 мая поручил благочинному иеромонаху Стефану объявить послушникам, входящим в состав братского хора, что «поступление в монастырь и пребывание в нем является актом добровольным со стороны каждого, и каждый поступающий в обитель в число братии при этом дает обязательство подчиняться ее уставу, существующим в ней порядкам и условиям жизни; никто никогда не принуждается как к поступлению в монастырь, так и к пребыванию в оном»¹⁴.

Негативно отнесся Духовный собор и к требованиям исполкома Митрополичьего хора, 4 мая он известил епископа Вениамина о своем мнении, что «предложенное является совершенно неприемлемым, особенно при тяжких во всех отношениях переживаемых ныне обстоятельствах», и вообще собор не признает себя вправе проводить

реформы до избрания и вступления в управление лаврой ее священноархимандрита – митрополита Петроградского. 5 мая владыка написал резолюцию: «Согласен», и 6 мая об этом известили исполком. В ответ в тот же день на общем собрании взрослых певчих Митрополичьего и братского хоров они «ввиду явного нежелания Духовного собора идти мирным путем к разрешению вопросов, выдвинутых певцами, единогласно решили бороться с Духовным собором всеми доступными им мерами» и заявили об отказе «исполнять службы и требы впредь до удовлетворения их требований»¹⁵.

Этот конфликт стал широко известен в городе. 8 мая в газете «Новое время» появилась заметка «Комическая забастовка», а затем было опубликовано письмо в редакцию В. Сильванова «О комической забастовке». Вскоре начались переговоры с лаврским руководством, и после выплаты повышенного денежного аванса стачечный комитет решил временно приостановить забастовку с 11 мая. Послушники братского хора, получив в этот день категорический ответ Духовного собора, значительную часть своих требований сняли. А 10 июня 1917 года собор принял компромиссное решение: «определенное жалование послушников-певчих совершенно не отвечает духу монашеской жизни, но для помощи им с 1 мая выдавать каждому 20 рублей в месяц сверх полученного из братской кружки». Конфликт же с певчими Митрополичьего хора продолжался еще несколько месяцев.

8 мая И. Тернов подал прошение об увольнении, ссылаясь на состояние здоровья, но фактически под давлением исполкома хора, и Духовный собор нехотя постановил уволить его с 1 июня, выделив пенсию 1500 рублей в год. Получив всю власть в хоре, исполком 12 июня известил собор, что певчие берут аванс, но будут добиваться полной суммы и проведут в жизнь протокол общего собрания от 24 апреля. Ответная резолюция нового наместника епископа Прокопия гласила: «Условия певчих неприемлемы». В конце концов конфликт дошел до Святейшего Синода. 7 июля исполком постановил передать дело на его рассмотрение и поставить в известность певчий профсоюз, в результате 10 июля владыка Прокопий был

вынужден подать в Синод рапорт, в котором подробно описал ситуацию. По словам епископа, в конце апреля певчие (большей частью временные) решили захватным путем организовать управление хора на совершенно новых началах, устранив заслуженного и известного регента Тернова от административной деятельности, и избрали исполком, который и сейчас настаивает на удовлетворении своих требований – получении прав принимать и увольнять певчих, отводить им квартиры, повышать жалование и т. д. Владыка писал, что удовлетворение всех требований будет стоить 172 тысяч рублей в год, а в 1916 году на Митрополичий хор было израсходовано 33 тысяч; финансовое же положение лавры сильно ухудшилось, она переживает серьезный экономический кризис, лаврский капитал не составляет и 1,5 млн, а лишь на покупку дров для отопления требуется 275,5 тысяч рублей в год, остаток же свободных средств с 1916 года равнялся 52 тысячам, и кроме того, лаврские пожертвования «в связи с переменной государственным строем» и расходы по созыву церковного собора составили 40 тысяч рублей. Остановился епископ Прокопий и на быстром падении исполнительского мастерства хора, о котором раньше знала вся Россия: дисциплина почти исчезла, дети, развращенные участием в забастовке, ведут себя скверно в храме и общежитии, старший помощник регента Семенов еще не утвержден регентом, а принимает новых певчих вопреки категорическому запрещению наместника и т. д. Владыка известил Синод, что он уже доложил архиепископу Вениамину проект ликвидации Митрополичьего хора и замены его дополненным и усовершенствованным братским хором лавры под руководством того же Тернова. Почти все старые певчие Митрополичьего хора, отбывавшие службу в армии, не признавали исполком, и писали об этом в Духовный собор¹⁶.

Хотя владыка Вениамин сочувственно отнесся к предложению епископа Прокопия, до ликвидации Митрополичьего хора дело все же не дошло. 21 декабря 1917 года Святейшего Синод в своем указе признал вопросы преобразования хоров внутренним делом Духовного собора, но поставил условие, «чтобы совершение в лавре богослужений

митрополита было обеспечено как доселе в отношении благолепного исполнения богослужбных песнопений». К этому времени дисциплину в Митрополичьем хоре удалось восстановить, исполком был ликвидирован, и 8 января 1918 года Духовный собор вновь назначил регентом И. Тернова¹⁷.

Другой острый конфликт был связан с проблемой повышения жалования лаврским служащим. 26 июня 1917 года центральный комитет Союза служащих при церквях г. Петрограда и его окрестностей сообщил лаврскому руководству, что на заседании ЦК 18 мая он постановил обратиться ко всем причтам с просьбой повысить вознаграждение церковнослужителям в следующих размерах: церковным и кладбищенским сторожам, швейцарам, дворникам и истопникам – 125 рублей в месяц, могильщикам – 150 рублей, свечникам – 150 рублей и т. д. Так как пожелание ЦК выполнено не было, осенью 1917 года он уже потребовал в обязательном порядке установить в 1 ноября указанные размеры жалования, пригрозив забастовкой. Действительно, в ноябре состоялась всеобщая забастовка членов союза, вследствие чего были сняты с работы лаврские служащие и испорчена часть имущества лавры. В конце концов 1 декабря Духовный собор решил удовлетворить прошение сторожей об увеличении их жалования до 150 рублей в месяц, так как «принять какие-либо иные меры против забастовщиков или хотя бы уволить их от службы <...> собор не имел никакой возможности ввиду занятого ими угрожающего положения, полного отсутствия какой-либо власти и всеобщей разрухи»¹⁸.

6 января 1918 г. Духовный собор написал в ЦК союза, что после удовлетворения требований церковных и кладбищенских сторожей была надежда на улучшение ситуации, но «на деле, однако, к прискорбию, оказывается, что, добившись осуществления своих прав и требований», сторожа «и не помышляют о добросовестном исполнении своих обязанностей», и даже в большие церковные праздники паперти церквей и собора остаются занесенными снегом и неосвещенными. Собор просил ЦК оказать влияние на лаврских служащих и «побудить их более добросовестно нести свою службу и хоть сколько-

нибудь считаться с требованиями лаврского начальства по части чистоты и порядка в церквях и кладбищах лавры»¹⁹. Но в условиях революционного хаоса подобные обращения не могли привести к какому-либо заметному результату.

На протяжении 1917 года с ухудшением ситуации в стране ухудшалось и положение лавры. Продолжались реквизиции лаврских помещений и имущества. Так, здание певческого корпуса было занято военным ведомством для размещения войск, в результате чего 25 августа Духовный собор оказался вынужден известить Епархиальный училищный совет, что в наступающем учебном году занятия в церковно-приходской школе проводиться не будут. Выселенных из их общежития малолетних певчих пришлось разместить в лаврской трапезной. 2 декабря для нужд Всероссийского союза рабочих и крестьян по выработке и распространению сельскохозяйственных машин и орудий была реквизирована кладовая № 12 в Новом корпусе. В начале октября 1917 года, угрожая реквизицией, Правительственный комитет по приспособлению здания Таврического дворца для Учредительного собрания добился от Духовного собора лавры получения 15 кубов булыжного камня для устройства мостовой перед дворцом и т. д. Из-за финансового кризиса пришлось значительно сократить расходы на братскую трапезу, в частности прекратить в понедельник, среду и пятницу выдачу рыбы, заменив ее растительными продуктами²⁰.

Но, несмотря на все сложности, лавра продолжала оказывать большую благотворительную помощь. Она по-прежнему содержала богадельню (староста которой Елена Сомина также была заведующей лаврской часовней) и два военных лазарета, причем каждому выздоровевшему солдату при выписке выдавалось 20 рублей. Ежемесячные пособия выплачивались мобилизованным в армию штатным певчим хора, бесплатно питались в обители 12 солдатских жен. С лета 1916 года на полном содержании проживали в лавре семь сербских и три румынских подданных, приехавшие поступать в русские духовные семинарии, кроме того,

в монастыре жили и пользовались столом священники – беженцы из Галиции, летом 1917 года – члены Предсоборного совещания, с осени – беженцы из Риги и др.

Не оставляли без заботы и военнопленных русской армии, которые часто посылали из Германии письма о помощи в лавру. Так, например, 2 мая 1917 года Духовный собор постановил выполнить просьбы двух военнопленных: рядовому С. Гришину выслать сухарей, а унтер-офицеру И. Быстрову – молитвенник и календарь. Как правило, духовную литературу и сухари высылали и другим военнопленным. Подобная благотворительная деятельность с прежней активностью продолжалась и в первые месяцы после Октябрьского переворота. В частности, 19 декабря 1917 года Духовный собор выделил 35 рублей к Рождеству Христову Первому ночлежно-работному дому для бесприютных детей и подростков мужского пола, а 11 декабря – 100 рублей. Комитет помощи арестованным «контрреволюционерам» и их семьям, поскольку многие арестованные большевиками были даже лишены пищи. В начале января 1918 года среди братии было собрано по подписному листу 38 рублей для Боровичского союза увечных воинов и т. д.²¹

Значительная помощь оказывалась лаврой и в духовно-просветительских делах. Так, в апреле 1917 года для 510-го пехотного Волховского полка была выслана икона св. кн. Александра Невского, в июне пожертвовано священническое облачение и напрестольный крест для устройства походной церкви 2-го полкового запасного госпиталя, в июле переданы выступавшей на фронт 2-й запасной артиллерийской бригаде 500 крестиков, 500 иконок и 15 Евангелий. 17 мая Духовный собор выделил «Солдатскому союзу просвещения» 100 рублей, 7 июня – культурно-просветительной комиссии запасного батальона лейб-гвардии Семеновского полка – 200 рублей, а 10 июня заслушал докладную записку своего члена иеромонаха Николая (Ярушевича) с призывом оказать духовную помощь верующему народу путем издания для бесплатной раздачи листовок религиозно-нравственного содержания, «применительно к вопросам момента ввиду особой важ-

ности переживаемых событий внутренней и внешней жизни России». Собор признал намеченные отцом Николаем цели и способы осуществления их крайне важными и выделил на издание бесплатных листовок и брошюр 400 рублей²².

Братия лавры не стояла в стороне от бурных событий осени 1917 года. В ноябре она участвовала в выборе членов Учредительного собрания. А 11 ноября Святейшего Синод удовлетворил ходатайство митрополита Вениамина о разрешении в конце месяца согласно просьбе православного населения Петрограда изнести раку с мощами святого Александра Невского из Свято-Троицкого собора и совершить торжественный крестный ход по городу для служения литургий, всенощных бдений в различных храмах и молебствий на площадях «о прекращении нестроений и бедствий в нашем Отечестве и о даровании державе Российской победы и одоления над врагами»²³.

14 декабря 1917 года наконец последовал указ Синода о результатах состоявшейся в мае–июле всесторонней ревизии обители. Проводившая ее комиссия выявила ряд злоупотреблений со стороны лаврского начальства, в частности скончавшегося летом 1917 года бывшего наместника архимандрита Филарета. В указе отмечалось: «Произведенная ревизия, с одной стороны, указывает на весьма несоответственное состояние религиозно-нравственной и духовной жизни лавры, с другой – весьма многочисленные случаи нарушений со стороны бывших членов Духовного собора лавры и должностных лиц установленных по заведованию денежным и материальным имуществом лавры правил и полную бесхозяйственность, проявленную теми же лицами, причем были открыты и прямые злоупотребления». Для исправления положения Синод предписывал провести целый ряд

мер в различных областях лаврской жизни: «Обратить особое внимание на упорядочение богослужений и требоисправлений, строго держаться церковного устава, проводить решительные меры против поспешности, небрежности и сокращения в совершении божественной литургии, молебнов и панихид и вывести из употребления лаврскими хорами певчих песнопений итальянского стиля, а ввести в лаврское употребление пение строго церковного характера <...> озаботиться широкой организацией за лаврскими богослужениями проповеди, религиозно-нравственных чтений и бесед с народом <...> озаботиться привлечением в состав братии лавры ученого монашества, оказывая этому всякое содействие и помощь <...> учредить новый особый орган для упорядочения обширного и сложного хозяйства лавры и для заведования и отчетности по оному под наименованием Хозяйственного управления лавры»²⁴.

В указе содержались и административные распоряжения: лавра оставалась в непосредственном ведении Синода, епископ Проконий назначался настоятелем с освобождением от должности vicария Елисаветградского; казначей архимандрита Геннадия, эконома иеромонаха Афанасия и члена Духовного собора Товию предписывалось уволить от должностей, перевести в другие монастыри и «вчинить дело о их неблагоповедении». Кроме того, предлагалось члена собора архимандрита Моисея перевести в другой монастырь, а благочинного иеромонаха Стефана, библиотекаря и архивариуса архимандрита Макария, свечника иеромонаха Серапиона и помощника благочинного иеромонаха Арсения освободить от должности. Для «приведения в порядок расстроенного хозяйства лавры» настоятелю поручалось образовать под своим председательством особую временную

комиссию из числа братии, членов Хозяйственного управления и синодального контроля²⁵.

Почти все указания Синода были вскоре выполнены. 21 декабря Духовный собор постановил сохранить свое временное присутствие, исключив из него архимандрита Моисея и иеродиакона Товию, добавив бывших до мая 1917 года членами собора архимандрита Гедсона, иеромонаха Всеволода и, проведя выборы еще двух новых членов от чередных иеромонахов (они вскоре избрали иеромонаха Антония I) и иеродиаконов (выбравших иеродиакона Корнилия). Временное исполнение должности наместника было возложено на помощника председателя собора архимандрита Авраамия (Чурилина). Другим своим постановлением от 2 января 1918 года Духовный собор назначил на должности уволенных от их исполнения членов братии новых насельников: библиотекарем и архивариусом архимандрита Неофита, казначеем – иеромонаха Гурия, благочинным – иеромонаха Антония I, экономом – иеромонаха Платона.

Еще 27 сентября 1917 года новым духовником обители вместо убитого иеромонаха Филарета был избран уважаемый насельниками бывший смотритель Киновии иеромонах Гавриил (Стефановский). К 1918 году братия монастыря уже пополнилась целой группой выдающихся представителей ученого монашества – кандидатов богословия, недавно закончивших духовные академии, некоторые из них даже были профессорскими стипендиатами. К ним относились иеромонахи Гурий (Егоров), Иннокентий (Тихонов), Нектарий (Трезвинский), Серафим (Якубович) и др.²⁶ Таким образом, лавра вступила в пору безбожных гонений преобразованной и обновленной, что во многом помогло ей выстоять и просуществовать до 1933 года – значительно дольше всех других главных монастырей на территории Советской России.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 65. Л. 59; Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975. С. 200, 202–203.

² РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 155. Л. 18, 55.

³ Там же. Оп. 11–1917. Д. 65. Л. 76. Оп. 14. Д. 737. Л. 253 об.

⁴ Там же. Д. 83. Л. 1–4.

⁵ Там же. Л. 5–9.

⁶ Там же. Д. 65. Л. 79.

⁷ К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 32.

⁸ РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 82. Л. 5.

⁹ Там же. Оп. 14. Д. 157. Л. 95, 100, 105, 109. Оп. 11–1918. Д. 88. Л. 53.

¹⁰ Там же. Оп. 11–1917. Д. 82. Л. 1–2.

¹¹ К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского. С. 32–34; Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конквистадоры. М., 1994. С. 186.

¹² К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского. С. 33–35.

¹³ Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Указ. соч. С. 186.

¹⁴ РГИА. Ф. 815. Оп. 11–1917. Д. 86. Л. 3–7.

¹⁵ Там же. Л. 15–18.

¹⁶ Там же. Л. 48, 57–61.

¹⁷ Там же. Оп. 14. Д. 157. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 158. Л. 68.

¹⁹ Там же. Оп. 11–1917. Д. 65. Л. 124.

²⁰ Там же. Оп. 11–1918. Д. 94. Л. 113; Оп. 14. Д. 158. Л. 6, 16. Д. 737. Л. 47.

²¹ Там же. Д. 156. Л. 16, 20, 21, 24, 30. Д. 158. Л. 6, 30, 75, 82.

²² Там же. Д. 156. Л. 24, 41, 62, 65. Д. 157. Л. 14.

²³ Там же. Д. 753. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Оп. 11–1917. Д. 82. Л. 40–42.

²⁵ Там же. Л. 41–49.

²⁶ Там же. Оп. 14. Д. 158. Л. 87–91.

Попытка захвата большевиками Александрово-Невской лавры в январе 1918 года

А. Н. Кашеваров

30 ноября 1918 года, по предложению наркома государственного призрения А. М. Коллонтай, советское правительство под председательством В. И. Ленина рассмотрело вопрос об изъятии у Православной Церкви монастырей. Однако какое-либо конкретное решение тогда принято не было. На этом же заседании Совнаркома А. М. Коллонтай добилась все-таки принятия решения о реквизиции помещений Александрово-Невской лавры для нужд своего наркомата¹. Этим решением был создан прецедент для страны. По оценке петроградского духовенства, «распоряжение принимало характер благовидности: мол де заботимся о благе народном, а монахи ничего для этого не делают...»²

13 января митрополита Вениамина (Казанского) посетил сотрудник комиссариата призрения Иловайский и передал, что «с сегодняшнего дня лавра переходит в ведение народа». Он также осмотрел помещения митрополита и признал их наиболее удобными для размещения богадельни. Прибывшие вместе с Иловайским красногвардейцы, осматривая лаврские храмы, в собор входили в шапках, с ружьями. На замечания богомольцев, что здесь находятся святыни, отвечали: «Для вас святыни, для нас не святыни»³.

Известие об этих событиях в лавре глубоко взволновало духовенство и верующих столицы. Вечером 14 января состоялось многолюдное пастырско-мирянское собрание в зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» для обсуждения вопроса «о гонениях на Церковь». Заслушав доклад о событиях 13 января в лавре, собрание приняло «протест Совету народных комиссаров от православного русского народа», в котором реквизиция синодальной типографии в начале января и последовавшая за этим попытка захвата Александрово-Невской лавры рассматривались как «начало открытых гонений на Православную Церковь и православную веру». «Православный верующий народ заявляет власть имущим, чтобы они остановили отобрание церковного достояния и возвратили бы отобранное, вняли бы голосу многих миллионов русских людей, которые такого отношения к святыням перенести не могут»⁴.

Собрание также приняло резолюцию, в которой для «противления» начавшимся гонениям предусматривались следующие практические меры: «1) разъяснить всем православным не только в храмах, но и на

рынках, площадях и везде, где можно, что Церковь Православная терпит открытое гонение; 2) проводить эту мысль между матросами и солдатами, среди которых есть еще любящие и чтущие Церковь; 3) составить и напечатать несколько тысяч протестов против отобрания церковного имущества и раздать их по приходам для подписи, сколько возможно большим количеством лиц, расклеить их снаружи храмов и на других местах...»⁵

Участники собрания предлагали различные меры по охране церковного достояния. Так, одна женщина заявила, что «она ходила по казармам и уговаривала верующих солдат выступить в защиту церкви». «И эта мера, – сообщил редактор “Церковных ведомостей” П. Н. Лахостский собору, – была одобрена и принята собранием»⁶.

Наместник Александрово-Невской лавры епископ Прокопий (Титов) направил собору донесение о событиях 13 января в его обители. Оно было заслушано на первом же после рождественских каникул соборном заседании. «То, что сообщили нам о лавре, – говорил при обсуждении этого донесения член собора князь Е.Н. Трубецкой, – не частное враждебное церкви выступление, а проведение плана уничтожения самой возможности